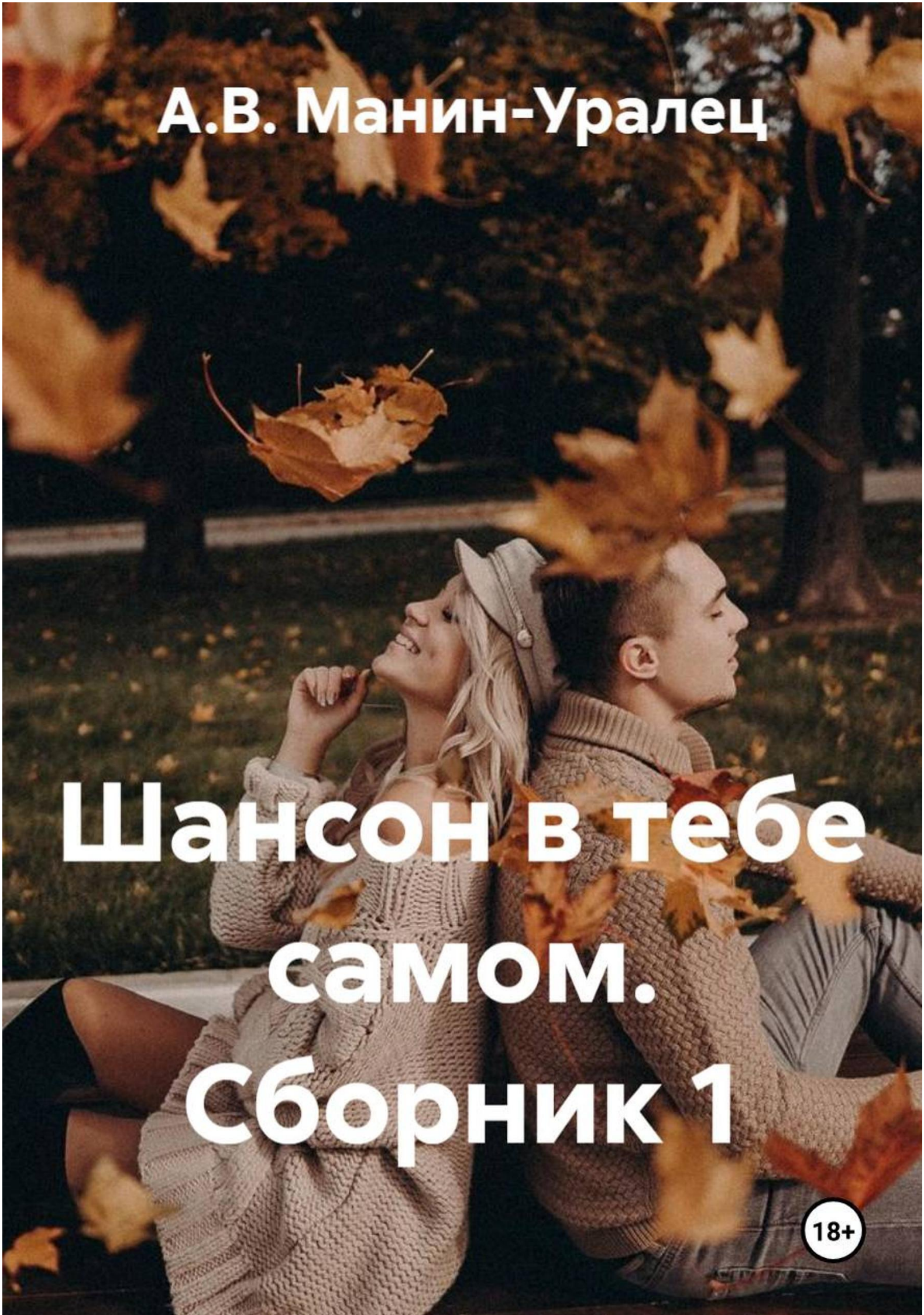

А.В. Манин-Уралец

Шансон в тебе самом. Сборник 1

18+

А.В. Манин-Уралец

Шансон в тебе самом. Сборник 1

«Автор»

2026

Манин-Уралец А.

Шансон в тебе самом. Сборник 1 / А. Манин-Уралец — «Автор», 2026

В сборнике 1 представлены такие произведения автора в стиле шансона, которыми он словно бы рекомендует его не столько для исполнения вслух, сколько для пения или же простого чтения в собственной душе, про себя. Шансон, а также вызываемые для его создания всевозможные чудные перипетии окружающего мира, требующие порой стихотворного отражения, присутствуют в сознании каждого человека, не оторванного от повседневной жизни общества и каждой его отдельной живой души. Своим «стихотворным шансоном» автор будто вступает в беседу одновременно с окружающим миром и с теми, кого представляет за чтением той же самой музыки смыслов о нашем повседневном быту и любви, которую поет и слышит он сам. Сам в себе самом. От этого и название сборника - «Шансон в тебе самом». А его слоган – Тысяча и одна песня любви.

© Манин-Уралец А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Дух химеры 5
В шкафу скелет 7
Ирреальность 11
Безвкусица 13
Ветер в мешке 14
Сумерки 15
Дыханье 16
Только образ 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

А.В. Манин-Уралец
Шансон в тебе самом. Сборник 1

Дух химеры

Закончив университет,
Моя невеста в секту встряла,
И все, что мы на тет-а-тет
Уже в любви не поверяла.
В ней развивался, креп, мужал
Характер, мог стать и примером,
Когда б ее вдруг не обжал
В своих объятьях дух химеры.
Он звал гостей, ломился стол,
И гости к шкафу прижимались,
И в западню попав - под пол,
Иные и не возвращались.
А я, единственный из всех
Был пощажен из эгоизма,
Быть может, это - на посев:
Духа химеры организма.
А я, единственный из всех
Был пощажен из эгоизма,
Быть может, это - на посев:
Духа химеры организма.
Живу, надеждою звеня:,
А вдруг одумается - замуж
Пойдет, как раньше, за меня,
Но ведь с Химерою. Куда уж!
Не заключила сделки, нет!
Но, лишь познав Химеры силу,
В шкафу запрятала скелет,
Скелет Харибды или Сциллы…
Он звал гостей, ломился стол,
И гости к шкафу прижимались,
И в западню попав - под пол,
Иные и не возвращались.
Но ради мужа порадеть
Пришлось, и сделали отмашку,
Но не могу я там надеть
Ни галстука и ни рубашки!
Я опустился, грубым стал,
И в секте вскоре стал примером,
Видать, с женой меня обжал
Потомство сеять дух Химеры,
Видать, с женой меня обжал
Потомство сеять дух Химеры.

Он звал гостей, ломился стол,
Сектанты к шкафу прижимались
И в западню попав, под кол,
Иные и не возвращались…
И в западню попав, под кол,
Иные и не возвращались…

В шкафу скелет

Люблю я, ты ангел с крылами,
И локоны вьются до плеч,
Но небо встает между нами,
И, видно, любовь не сберечь.
Как подписи росчерк на кальке,
Комета итожит свой путь,
Все тает надежда, по капле:
Любовь в свое сердце вернуть.
Играют небес трубадуры,
Свои донося голоса,
Все тают надежды. Абсурдны
Туманностей звезд волоса.
И локоны мертвенно бледны,
И пряди волос тех редки,
Все тает надежда. Из бездны
Своей не протянешь руки.
Ведь тает любовь в моем сердце,
В твоем трубадуров же нет.
Надежды скрипят еще дверцы,
Но что там, в шкафу, за скелет?
Надежды скрипят еще дверцы,
Но что там, в шкафу, за скелет?
Люблю, и, возможно, обманут,
Загвоздка не в небе, а в нас,
Любви рано пояс затянут,
Когда ее целый запас.
Верну я любовь и покаюсь,
А ты – мне: «Своей не вернуть!..»
Все тают надежды. Покамест
Комета итожит свой путь.
Любовь и сомнения множу…
Надежд полный ужас и крах?
Абсурдно любить и итожить,
Витая в нездешних мирах.
Где локоны мертвенно бледны,
И пряди волос тех редки,
Все тает надежда. Из бездны
Своей не протянешь руки.
Ведь тает любовь в моем сердце,
В твоем трубадуров же нет.
Надежды скрипят еще дверцы,
Но что там, в шкафу, за скелет?
Надежды скрипят еще дверцы,
Но что там, в шкафу, за скелет?
Но что там, в шкафу, за скелет?
Холодно вдали

Виноват, ты не прощаешь,
Холод льешь из черных глаз,
Но ты разве замечаешь,
Что страдаю каждый раз?!
Каждый раз, как приникаю
Я к груди твоей в любви,
И все время ощущаю,
Что нет теплоты в крови!
Человек глубок - что Небо,
Только холодно вдали,
За моей спиною небыль,
Все в тенете и в пыли.
Не постичь глубин прощенья,
Слишком холодно вдали.
Впереди лишь Воскресенье,
Всепрощение Земли.
Поневоле я взываю
К небесам, любя сильней,
Я себя не постигаю,
Ну, зачем я сдался ей?!
Лучше б бросила – и точка,
Застрелила б и – концы,
Но с иконы с оторочкой
Золотой глядят Отцы.
Я глубок, и дно сгустилось,
Все в тенете и в пыли.
Мне бы многое простилось,
Слишком холодно вдали…
Виноват, ты не прощаешь,
Холод льешь из черных глаз,
Но ты разве замечаешь,
Что страдаю каждый раз?!
Виноват, ты не прощаешь,
Холод льешь из черных глаз,
Но ты разве замечаешь,
Что страдаю каждый раз?!

Волчьи мосты

Пеплом сыплет тьма густая,
Как Везувий, мрак чадит,
И в долину волчья стая,
Подобрав хвосты, спешит.
Нет спасенья ни зверюге,
Ни бегущей жертве здесь,
Чертят тропки закорюки,
Будто совершая месть.
И не всех спасет долина,
Все, что есть под мраком тьмы
Для Везувия едино,
Для волков – пир в день чумы.

«Попируем перед смертью,
Все одно: всем погибать,
И в безумной круговерти
Страха будем пировать!..»
Вот они рвут жертву в клочья,
Все в крови ее кружат,
Вот уже под мраком ночи
Волком воют и визжат…
Но не всех спасет долина,
Все, что есть под мраком тьмы
Для Везувия едино,
Для волков – пир в день чумы.
Вдруг вулкан чуть охлонили,
Дым ветра в обход ведут,
Бегству путь приотворили,
Но лишь волки живы тут.
Обнажив клыки, кусают
Обгоревшие хвосты.
Растворилась тьма густая,
Только сожжены мосты.
Но не всех спасет долина,
Все, что есть под мраком тьмы
Для Везувия едино,
Для волков – пир в день чумы.
Обнажив клыки, кусают
Обгоревшие хвосты.
Растворилась тьма густая,
Только сожжены мосты!
Растворилась тьма густая,
Только сожжены мосты!

Безысходность

Ты соседке с низу подал
Знак надежды, страсть зажглась,
Но тебя вдруг кто-то продал,
И внизу отместки страсть.
Гул стоит внизу, готовясь
Став огнем, прожечь гранит.
Ты не горячись, ведь совесть
Вдруг проснется, устыдит…
Ты не горячись, готовясь
Гул тревожный усмирить,
Пусть прорвется, может, совесть
Вдруг в тебе заговорит…
Ты ее прельщал любовью,
Клялся, что до гроба с ней,
А теперь она там с болью,
А тебе еще больней!
Пусть прорвется, ты готовься,
Гул огнем заговорит.

Совесть больше не проснется,
Не прожжет огнем гранит…
Совесть вдруг в огне очнется,
И она заговорит…
Но никто не отзовется
И души не отворит…
Там никто не отзовется
И ничем не устыдит…
И никто там не проснется –
Гул огнем заговорит…
Она ждет тебя, как Бога,
А ты, кулаки скрестив,
Как застыл, и от порога
Вниз ни шага, чтоб спасти.
Гул стоит внизу, готовясь
Мир тревожный усмирить…
Совесть больше не проснется
И души не отворит…
И никто там не проснется –
И ничем не устыдит…
И никто не отзовется,
Лишь огнем заговорит…
И никто не устыдится,
И души не отворит…
Безответной мгле не спится -
Совесть в ней не говорит…
Ты не спас, ты просто сдрейфил,
Обещал спасти мечты,
В глубине с открытым сейфом
Положил записку ты.
Мгла вверху трясется гулом,
Скоро ей предстать огнем.
На столе приклад и дуло
И патрон один на нем…
И никто не устыдится,
И души не отворит…
Безответной мгле не спится -
Совесть в ней не говорит…
Безответной мгле не спится -
Совесть в ней не говорит…

Ирреальность

Меня запутать вам не суждено,
Вы умная, но мы не лыком шиты,
Философ иль служанка - все равно,
У нас сердца - от вас - в плену разбиты.
Но я пойму весь философский бред,
В бутоне Вас и часть Отца хранится,
И в ирреальности - семь бед – один ответ,
Я в бытие? Хоть этот плен не снится!
Не обусловить плена бытия?
Он – данность, неизменная, как небыль,
В нем суть всего, в нем мать, отец и я,
И женщины любви склоненный стебель.
Его бутон – необратимость, плен,
Возможно, и любовь есть ирреальность,
Готов на ирреальности взамен
Вновь оценить простую гениальность:
Признать, что в бытие свободы плен,
И что бутон бутону рознь в разлуке,
Готов к замене: ирреальный тлен
Любви моей путь той не знает муки! 2 раза последние 2 строки.
Вы говорите, в вас есть Бога часть,
Ну, слава Богу, в вас Любви без края,
Я не философ, но скажу сейчас,
Что в вас влюблен, божественная Рая!
Я обусловлен полюбить мираж,
И примет тень его иная данность,
Ту тень, как тлен, вновь превратит кураж,
Который так полюбит ирреальность.
Несу я бред, влюбленный без ума,
На вас ума едва ли хватит небу,
Но перейдем на «ты»? Ты суждена,
Моею стать и обратится в небыль.
Я – ирреальность снов, пока я сплю,
И сон мой – жизнь, где женщина мне мерой!
Там все зачтут. А я - не отлюблю,
Так и пойду к Отцу с тоской-химерой!
И Мать там ждет, в слезах вся за меня,
А их любовь окажется Любовью,
Все остальное – дым в любви Огня,
Той ирреальности, которой я не стою.
Я не мираж, и ты подходишь мне,
Нам хорошо в простом бытийном мире,
Стращаешь пленом быта, но во сне
Он всех свободней в занятой квартире.
И здесь я гениально обнажил,
Вложил в бутон свой ирреальный стебель -

В бутон любви, и он главу сложил
На плаху миража, где быль и небыль.

Безвкусица

На пленере поставлен мольберт,
Живописец весь в темпере в юбке,
Темперамента красочный бред,
И на все и про все мне минутка.
Дождь: я должен оценку свою
Тебе дать положительно строго
Нет, я в темперу нос не сую,
Как по мне - темперамента много.
Совершается чудо в безвкусице –
Солнца молния в бреши тоски,
Красит гром акварелью распутицу,
Колет темпера брешь на куски.
Ты разделишь стихии безвкусицу,
Когда все в ней – привычный мне кров?
Превратишь ли слез тонкую лужицу
На следах тоски в нашу любовь?
Наша встреча безвкусною пошлостью -
Притязаньем друг к другу кроша,
И в стихии тоской невозможною
Нас окрасила бреши душа.
Ничего не приму я и вкусного,
Где раскатами грома куски,
А в осколках сырого и грустного
Слышен хруст моей черной тоски.
Слышен хруст моей черной тоски.

Ветер в мешке

Ветер, как в мешке, узлом завязанном,
Мечешься, не видя ничего.
Не стучи в окно мое, наказан я
Узелком покрепче твоего.
Твой мешок – придет срок - прохудится,
Мыши прогрызут в мешке дыру,
Мне же, полюбившему, лишь снится
Воля твоя, ветер, на юру.
Или, если хочешь, к трубе копотной
Встану и за дыма клуб возьмусь,
Дерну, развяжу порыв твой хлопотный,
И лети, обшарь всю свою Русь!
Только отплати тогда уж, северга –
Ветер, плен души освободив,
Отыщи любимую на Севере,
Где борейских снов лежит залив,
Посередке, вся в узлах стареющих,
Вся в прорехах по краям углов,
Над заливом высь в ветрах вся бреющих,
Уносящих дым с его домов.
Эта высь и есть моя любимая,
Даль, как недостигнутая весть…
Все что ближе – было повестимее,
Все, что ниже – то найдешь и здесь.
Ветер, как в мешке, узлом завязанном,
Мечешься, не видя ничего.
Не стучи в окно мое, наказан я
Узелком покрепче твоего.
Твой мешок – придет срок - прохудится,
Мыши прогрызут в мешке дыру,
Мне же, полюбившему, лишь снится
Воля твоя, ветер, на юру.

Твой мешок – придет срок - прохудится,
Мыши прогрызут в мешке дыру,
Мне же, полюбившему, лишь снится
Воля твоя, ветер, на юру.
Воля твоя, ветер, на юру.

Сумерки

Ушла среди ночи, простившись,
Лишь только запиской духов,
Их запах небесный, спустившись,
Нарушил видения снов.
Не снится мне то, что не снится,
А видятся сумерки снов,
Над бездной земною, как птица,
Твердь неба и вечный озноб.
И связи – меж светом и тьмою,
Юдолей земной и небес,
И шлейф леденящий за тою,
Чей образ в пространстве исчез.
И… сны, где жар льда, хлад пожара,
И связи - триумф и позор,
И милостью Божьего дара,
В меня опрокинутый взор.
И крылья спустившейся птицы,
Готовые мир заслонить,
И то, что так сумрачно снится,
Готовое к счастью склонить.
Ушла среди ночи, не зная,
Что сердце с собой унесла,
И что среди шумного рая,
Меня от себя не спасла.
И все это – хлад черной бездны,
И неба в огнях глубина,
И я, человек, смыслом бедный, -
Лишь сумерки вечного сна.
И в них я в тебя опрокинут,
И явно не проклят судьбой,
Я вижу, как медленно втиснут,
В тебя я с любовной мольбой!
Туда, где жар льда, хлад пожара,
И связи - триумф и позор,
И милостью Божьего дара,
В меня опрокинутый взор.
И крылья спустившейся птицы,
Готовые мир заслонить,
И то, что опять теперь снится,
Готовое счастье дарить…

И то, что опять теперь снится,
Готовое счастье дарить…

Дыханье

Все кончено, в любви мы одичали,
И передышка – как кометы хвост,
И сквозь любовь, в которой все отдали,
Мы в небо опрокинули свой мост.
Для нас – века, для времени – дыханье,
И с каждым вздохом ближе к нам века,
Где в смыслах реет хлад непониманья,
И где даже в любви хладна рука.
И, кажется, дыханье затаилось
Меж наших пальцев, чтоб продлить на миг,
То, что еще с нами не случилось -
Застывший в вечности наш одичалый крик.
Мы дышим, и дыханье вновь все ближе,
И мы дичаем от своей любви,
И вновь рука к руке, рука к руке и ниже,
И все опять, как в дикости, в крови.
Века все ближе, и Земли коснутся
Однажды невпопад и сгоряча,
Не станет снов, и, значит, не проснутся
Те, что заснут у теплого плеча.
И не сомкнется жаркое дыханье
Ни между губ, ни между нежных рук,
И никогда ничье непониманье
Не повторит ни мига прежних мук.
Не повторит ни мига прежних мук.

Только образ

По краям за окном и стеной,
По-над верхом и низом вселенной,
Кто-то тихо вздыхает с луной,
Несомненно, с душой вожделенной.
В ореоле небес силуэт,
Постоянно меняющий обрис,
И ни низа, ни верха в нем нет,
И ни края, ни стен, только – образ.
И только образ волос до пола,
И только образ сплошных телес,
И только тени в мерцаньях голых,
И, значит, наш неважен вес.
И только образ, и только тени –
И никакой одичалой любви,
И нет меж нами никаких обретений,
И, значит, нет и страданий в яви!

Может, даже в том нет и любви,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.